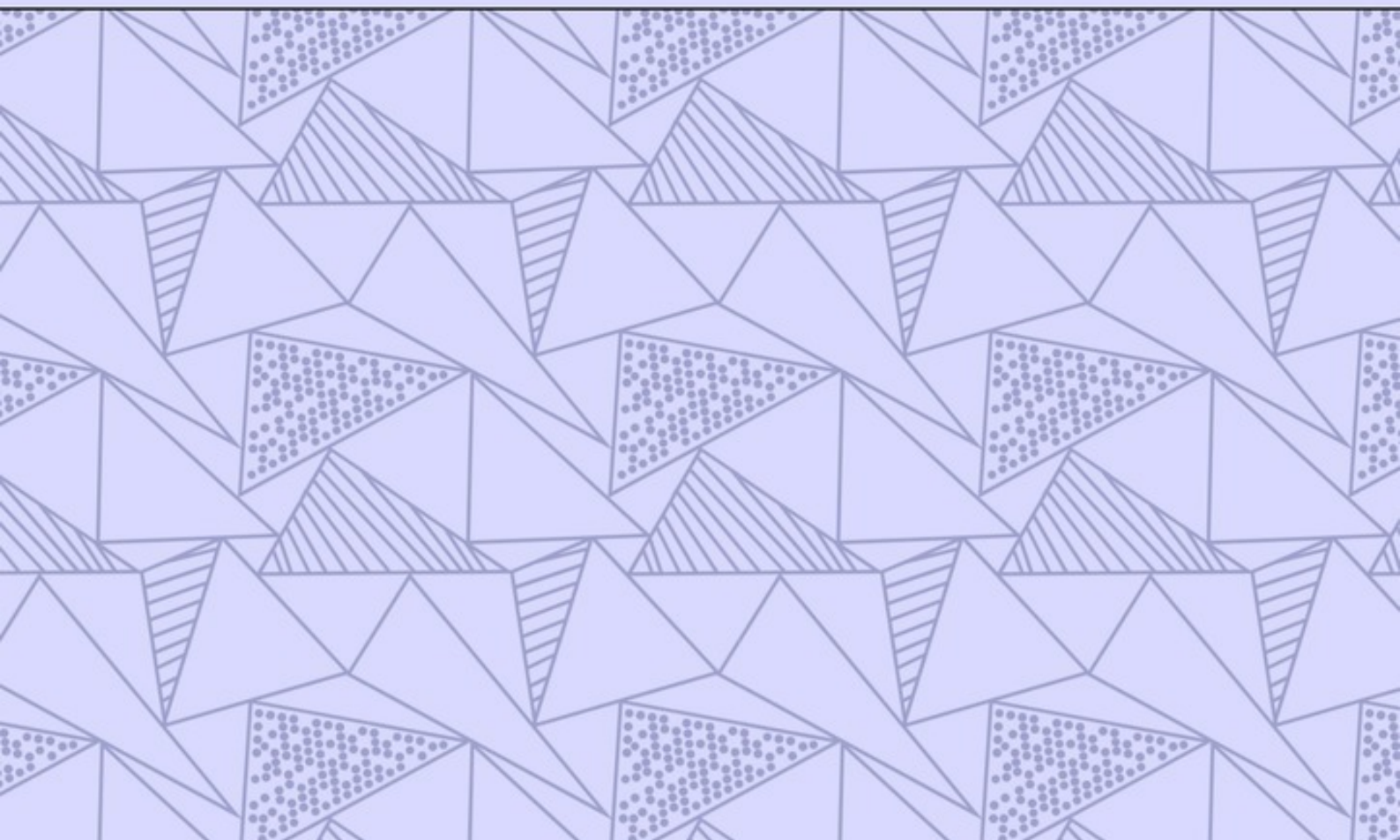

Айдар Ермеков

По следам Землекопа

Историческая повесть

Айдар Ермеков

**По следам Землекопа.
Историческая повесть**

«Издательские решения»

Ермеков А.

По следам Землекопа. Историческая повесть / А. Ермеков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837622-1

Автор книги Айдар Ермеков — журналист газеты «Московский Комсомолец в Казахстане». Историческая повесть «По следам Землекопа» написана на основе реальных событий и архивных документов. Это первая подобная работа автора, который постарался следовать всем законам жанра. Получилось это или нет — судить читателю.

ISBN 978-5-44-837622-1

© Ермеков А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	11
3	16
4	17
5	18
6	20
7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

По следам Землекопа
Историческая повесть
Айдар Ермеков

© Айдар Ермеков, 2017

ISBN 978-5-4483-7622-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Осенью 1941 года в Алма-Ату практически ежедневно прибывали эшелоны с европейской части страны, привозя десятки тысяч эвакуированных граждан, среди которых было немало здоровых мужчин. На руках они имели справки о наличии всевозможных недугов, включая эпилепсию и туберкулез. Избежав всеми правдами и неправдами отправки на фронт, эти люди старались попасть в «хлебные» города, в числе которых была и Алма-Ата. Именно сюда хлынули массы украинских, белорусских, молдавских, московских воров и грабителей. Но незадолго до нашествия криминальных элементов здесь обосновались те, кто был намного хитрее и опаснее уголовников.

В то время диверсионные организации третьего рейха активно действовали практически на всей территории СССР. Диверсанты создавали немало хлопот милиционерам, которые буквально разрывались между ними и уголовными преступниками.

Диверсионная группа, состоявшая из хорошо обученных немецких агентов и отечественных дезертиров, практически с самого начала войны действовала и в столице Казахстана. Банда готовила и осуществляла покушения на партийных и хозяйственных руководителей, устраивала поджоги продовольственных складов и занималась вредительством на эвакуированных в Алма-Ату промышленных предприятиях. Все это делалось руками профессионально завербованных людей из числа тех, кто не признавал советскую власть и считал ее временной. Основной задачей группы было оказание помощи немецкой армии в глубоком тылу Советских войск путем подрыва стратегических объектов и ликвидации членов местных активов.

Ветераны милиции, прошедшие войну, еще долго задавались вопросом, как могла молодежь Алма-Аты вынашивать фашистские планы. Но факты – вещь упрямая, и архивные документы свидетельствуют о том, что такие события имели место.

В течение нескольких лет диверсанты оставались неуязвимыми для алма-атинской милиции. Специально подготовленные в немецких диверсионных школах они организовали работу настолько умело, что после каждой проведенной ими операции милиционеры хватались за головы, не зная, что делать.

Погибали партийные руководители. Горели склады с продовольствием, взрывались объекты инфраструктуры. Ситуация требовала принятия кардинальных мер. И они были приняты. С передовой срочно отозвали и направили в тыл опытных оперативных работников. В их числе был Жанысбек Кусмангалиев, впоследствии ставший первым начальником образованного в 1960 году самостоятельного управления милиции Алма-Аты. Последствия нескольких неудачных вербовок вывели оперативников на след диверсантов. Дальше все было делом техники.

Милиционерам военных лет посвящается

1

На ярко голубом алма-атинском небе почти по-летнему ослепительно сияло майское солнце. Едва касаясь еще одетых в снежные шапки горных вершин, вдали проплывали бело-снежные облака. В уже распустившейся зеленой листве деревьев громко щебетали певчие птицы, а в городских арыках по обе стороны улицы звонко журчала бегущая со стороны гор талая вода.

На трамвайной остановке, что рядом с городским рынком, привычно суетились люди, и стоял характерный для этого места шум. Сквозь доносившиеся крики зазывал раздавались одинокие звуки клаксонов редко проезжавших автомобилей. Где-то вдали слышался звон трамвая.

Среди собравшихся в его ожидании горожан высоким ростом и статной фигурой особо выделялся бравый офицер. Затертая, пропитанная пороховым дымом гимнастерка красноречиво говорила о том, что он только что с фронта. На груди военного красовалась медаль «За отвагу» и орден «Красной звезды». Начищенные хромовые сапоги блестели на солнце. Офицерская форма и выправка привлекали внимание окружающих.

Три молоденькие девчушки, негромко хихикая, то и дело тайком поглядывали на бравого служивого, оценивая его стать. Военный поймал на себе их застенчивые взгляды, и, улыбнувшись, весело подмигнул. Красавицы тут же покраснели и стали прятать глаза. Чернявый офицер, дабы не смущать их, продолжил смотреть поверх голов суетливой толпы, высматривая приближение вагона.

Капитан Жанысбек Кусмангалиев хорошо знал этот город. До войны он в нем жил и работал. А потому найти здание Управления НКВД для него труда не составило. Отроду ему было тридцать четыре года. Но, несмотря на молодость, он был умудренным опытом офицером СМЕРШа.

Сойдя на нужной остановке, военный быстро нашел искомый адрес и вошел в светлый вестибюль массивного с высокими потолками трехэтажного здания. Мимо сновали офицеры милиции. Жанысбек смахнул носовым платком со лба выступившие капли пота и поднялся по лестничному маршу на второй этаж.

– Извините, – обратился Кусмангалиев к проходившему мимо милиционеру в звании лейтенанта.

– Слушаю вас, товарищ капитан, – отозвался лейтенант.

– Как пройти к полковнику Сагинадзе?

– А это в конце коридора, – ответил лейтенант и поспешил дальше.

В просторном прокуренном кабинете заместителя начальника Управления НКВД по Алма-Атинской области полковника Родиона Сагинадзе все было по-военному скромно. На стене во главе помещения портрет Сталина. На большом покрытом зеленым сукном рабочем столе настольная лампа и три телефонных аппарата. На окнах строгие шторы со светомаскировкой. В углу большие деревянные часы с маятником.

Полковник в кабинете был один. Наступило время передачи сводки с фронта, и он привычно включил радиорепродуктор, откуда зазвучал голос Левитана:

«От советского Информбюро. В результате успешных боевых действий Советской Армии освобождена вся территория РСФСР и значительная часть территории Украины и Белоруссии. Сокрушительными ударами наших войск вражеская группа армий Центр разбита на несколько частей. Окружены пять фашистских дивизий, которые продолжают бессмысленное сопротивление. Однако в тылу еще остаются разрозненные вражеские группы солдат и офицеров, остатки разведывательных и карательных подразделений противника,

а также его пособники и предатели Родины, которые, боясь ответственности, перешли на нелегальное положение и, объединившись в банды, скрываются в лесах и отдаленных хуторах. В ближайшее время они будут взяты в плен либо уничтожены».

Слушая сводку, Сагинадзе медленно расхаживал по кабинету, погружаясь в собственные мысли, которые прервал стук в дверь.

– Войдите!

Открыв тяжелую дубовую створку, в кабинет вошел посыльный.

– Товарищ полковник, телеграмма из Москвы, – доложил он, и, прошагав по помещению, положил на стол перед принявшим задумчивый вид офицером лист бумаги с печатным текстом.

– Хорошо, вы свободны, – отпустил посыльного Сагинадзе, взял в руки бумагу и принялся читать:

«По имеющимся у нас данным в глубоком советском тылу продолжают активное действие подпольные фашистские организации, основной целью которых является подрывная деятельность, убийство командиров Красной Армии, а также партийных советских работников руководящего звена. Главной задачей вражеских диверсионных групп является организация террористических актов на предприятиях оборонной промышленности, направленных на срыв поставок военной техники, вооружения и боеприпасов на фронт. Выполнение осуществляется путем:

– саботирования мероприятий военных и гражданских властей;

– совершения диверсий на фронтовых коммуникациях и террористических актов в тылу в отношении военнослужащих, местных руководителей и актива;

– сбора и передачи информации разведывательного характера в Центр.

Обращаем ваше внимание на необходимость активных контрразведывательных операций и установки постоянного наблюдения за стратегическими объектами и железнодорожными узлами.

Заместитель

народного комиссара

внутренних дел СССР

генерал-полковник Круглов»

– Мать вашу! – выругался вслух полковник и тут же услышал еще один стук в дверь.

– Да! Входите! – раздался громкий голос изнутри.

Кусмангалиев уверенно вошел в прокуренное помещение и увидел сидевшего за рабочим столом, уткнувшегося в бумаги и дымившего папиросой полковника. Аккуратная стрижка и густые сдвинутые к середине лба брови придавали ему строгий вид. Жанысбек поправил гимнастерку и, протянув предписание, громко доложил:

– Капитан Кусмангалиев. Прибыл в ваше распоряжение, товарищ полковник!

– Присаживайтесь, капитан, – ответил полковник. – Прямым с фронта?

– Так точно.

– Ну, как там наши?

– Погнали врага. Думаю, скоро будут у него в логове.

– Особист?

– СМЕРШ!

– Небось, расстроился, когда узнал, что в тыл отправляют?

– Есть такое дело.

– Не расстраивайся. Здесь тоже идет война и едва ли спокойнее, чем на передовой. С самого ее начала по всему тылу орудуют диверсионные группы. Вот и до нас добрались. Только мы это, к сожалению, не сразу поняли. Никак не можем выйти на их след. Вот здесь они

у меня (Сагинадзе показал характерный жест, проводя рукой по своему горлу). Кровь из носу нужно их найти и ликвидировать. На вот, почитай.

Передав телеграмму Жанысбеку, полковник открыл сейф и достал папку. Пока Кусмангалиев читал, в кабинет, постучавшись, вошли три офицера: среднего роста темноволосый с твердым взглядом капитан Василий Кобрисов, высокий и худощавый старший лейтенант Михаил Зуев и здоровенный с косою саженью в плечах, при этом подтянутый с гусарской выправкой лейтенант Федор Захаров.

Было видно, что все они бывалые воины с орденами, медалями, гвардейскими значками и нашивками за ранения на побелевших от солнца и стирки и пропитанных пороховым дымом гимнастерках. Матерые военные контрразведчики, чьим прямым делом была безопасность армии, ее тылов, проводимых ею операций и обезвреживание вражеской агентуры.

– Проходите, товарищи. Познакомьтесь. Это капитан Кусмангалиев. Вас всех собрали здесь с разных фронтов, как опытных сотрудников, способных ликвидировать группу диверсантов. Кусмангалиев назначен старшим группы контрразведки.

Офицеры пожали друг другу руки и сели за стол в ожидании указаний начальника.

– Как устроились? – спросил Сагинадзе только что вошедших офицеров.

– Спасибо, товарищ полковник. Хорошо, – ответил Кобрисов.

– Все получили комнаты?

– Так точно.

– Ну, все пока свободны. А вы, товарищ капитан, – обращаясь к Кусмангалиеву, сказал Сагинадзе, – пройдите в хозяйственный отдел. Там вам дадут ключи от вашей новой обители. Так что устраивайтесь, пока.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Начальник хозяйственного отдела – худой с впалыми щеками майор был переведен с фронта после тяжелого ранения и сильно хромал на одну ногу. Жанысбека он встретил без особой радости, но то, что положено, выдал без лишних разговоров.

– Общежитие здесь недалеко, – сказал он, вручая ему ключ от комнаты. – Пешком минут пятнадцать. Не хоромы, конечно, но тебе холостяку пойдет. Койка, стол, стул, шкаф. Чего еще надо?

– Да, больше ничего, – ответил Жанысбек.

– Ну, и я так думаю. А уж после войны будет все, как надо, верно?

– Дай бог, – ответил Кусмангалиев и, расписавшись в журнале, отправился осваивать новое жилище.

Жанысбек вошел в помещение и оглядел все вокруг. У стены стояла железная койка. Рядом небольшой деревянный стол с закопченной керосиновой лампой. Возле койки деревянный табурет, над которым прибита вешалка в виде крючка. На противоположной стене над чугунным рукомойником небольшое зеркало с продольной трещиной по всей длине.

Офицер положил вещмешок на стул и стал снимать гимнастерку. Слегка ополоснувшись у рукомойника, он вытерся солдатским полотенцем, затем задернул оконную занавеску, прилег на кровать и через минуту уже спал.

С самого начала войны ему часто снились места, где он родился и вырос: живописные луга в предгорьях Тарбагатайского хребта, лесистые склоны и недостижимые горные вершины, одетые в белые шапки не таящего круглый год снега. Бесчисленные отары овец, стада коров и табуны лошадей, принадлежавшие местному баю Жексену, исправно нагуливали жир, от рассвета до заката поглощая сочную траву и запивая ее кристально чистой водой из стекающих с гор звенящих ручьев.

В то время в ауле Сибин Семипалатинской губернии уже проживало немало переселенцев из западно-сибирских регионов России, научивших местных жителей земледелию. И вместо юрт одна за другой стали появляться срубленные избышки. Обрабатывая плодородные предгорья в окрестностях села, крестьяне ставили там шалаши из хвороста или парусиновые палатки, в которых время от времени отдыхали и принимали пищу.

Кузмангали – отец Жанысбека – тоже был земледельцем и имел свой небольшой надел. Едва восходило солнце, он брался за соху и возвращался домой лишь затемно. Запах крестьянского пота Жанысбеку был знаком с детства. Малолетним мальчуганом он часто ходил с отцом на пашню и помогал ему настолько, насколько хватало мальчишечьих сил. Однако кровь кочевника брала свое, и его больше тянуло к ремеслу пастуха. Особую любовь он испытывал к лошадям. Родной дядя Жанысбека Каиргали – младший брат отца – впервые усадил его на коня, едва тот начал самостоятельно ходить. С тех пор и до самого поступления в школу фабрично-заводского ученичества в жизни Жанысбека не проходило и дня без общения с лошадьми. Каиргали служил табунщиком у местного бая и в теплое время года всегда брал с собой на пастбище маленького Жанысбека.

Сладкий сон капитана прервал сильный стук в дверь.

– Товарищ капитан! Откройте!

Жанысбек быстро встал и открыл. Пред ним стоял водитель полковника Сагинадзе.

– Пожар на сортировочной станции, – сказал он. – Товарищ полковник ждет вас в машине.

– Бегу, – ответил офицер, уже на ходу одевая гимнастерку.

2

На улице у входа в общежитие урчал двигателем черный ЗиС, в котором кроме водителя находился полковник Сагинадзе. Едва Жанысбек успел сесть в машину, как она рванула с места.

– Ну что? Наверное, думаешь: «отдохнуть даже не дадут, да»? – спросил полковник с присущим ему грузинским акцентом. – Я же тебе говорил, об отдыхе можешь забыть. Предстоит работа в круглосуточном режиме. Обещаю, что будет так же жарко, как на фронте. Так что не расслабляйся.

– Хорошая у вас машина, товарищ полковник.

– В сорок втором на ней ездил второй секретарь горкома. Убили его. Машину мы изъяли для проведения следственных действий. Так она у нас и осталась. Горком партии не возражал.

– А кто убил секретаря горкома?

– Вышли мы тогда на след одной шайки. При обыске нашли у них фашистскую литературу, оружие. Группа состояла из двенадцати человек. Думали – все, ликвидировали. Оказалось, не всех. Рано обрадовались. Хотя сейчас возможно действует другая группа.

– Неужели никто из тех про них ничего не рассказал? – спросил Кусмангалиев.

– Дело в том, что не все из них знают друг друга. А главарь той группы застрелился при задержании. Мы немного не успели. Если бы знали, что он среди них главный, то, конечно же, все было бы по-другому. Хотя, может, он и не главарь вовсе. Вот и продолжаем воевать. Так что, хоть до линии фронта очень далеко... Ну вот, мы и приехали.

Пожар, в котором сгорели несколько вагонов с продовольствием, готовившихся к отправке на фронт, был почти потушен. Все сотрудники отдела контрразведки уже находились на месте. Вокруг царил обычный для таких случаев хаос. Повсюду валялись искореженные куски железа и догоравшая вагонная обшивка. В воздухе держался устойчивый запах гари. Вокруг сновали пожарные и милиционеры. Толпы зевак, неустанно отгоняемые стражами порядка, теснились и напирали, стараясь подойти поближе к месту, откуда валил дым.

– Сюда, товарищ полковник, – указал место молодой милиционер.

– Что произошло? – спросил на ходу Сагинадзе, пробираясь сквозь толпу любопытных.

– Пока никто ничего не знает. Из очевидцев только раненый путейщик, да еще трое рабочих.

– Что говорят?

– Незадолго до взрыва видели каких-то парней, человек пять-шесть. Крутились здесь, выпивали, вроде.

– Что за люди? Как выглядят?

– Толком пояснить не могут. Но говорят, что молодые. На шпану местную похожи.

– Вот, капитан, ваше первое дело, – обращаясь к Кусмангалиеву, сказал Сагинадзе, доставая папиросу.

– Разрешите осмотреть место?

– Валяй.

Жанысбек разделил территорию станции на сектора и дал указание Зуеву и Захарову внимательно обследовать ее в поисках улик. Сам же направился к сторожке, где в это время оказывали первую медицинскую помощь пострадавшим. Капитан Кобрисов в это время уже внимательно изучал предположительное место возгорания.

В течение нескольких часов пядь за пядью офицеры с фонариками обследовали всю территорию, не забывая заглядывать и под кусты, и в арыки, и во все мыслимые и немыслимые ямы и канавы. Знавший толк в поджигательском деле Кобрисов обратил внимание на разбитую

бутылку, поднял ее с земли и, внимательно осматривая и принюхиваясь, покрутил в руках. Взгляд специалиста определил, что в ней была горючая смесь.

– Явный поджог, товарищ полковник, – докладывая Сагинадзе о своей находке, добавил Кобрисов.

– Вот тебе и прямое доказательство того, что у нас во всю орудуют эти твари, – ответил полковник. – Сколько бьемся, все бесполезно. Когда уже мы их найдем?

В центре тесной сторожки с низким потолком стояла печь «буржуйка», которую нужно было постараться обойти. Да так, чтобы не удариться головой о потолок и добраться до деревянного топчана, на котором, кряхтя от боли, лежал пожилой сторож. Сидевшая рядом медсестра перевязывала пострадавшему плечо и руку. Заходя в сторожку, Жанысбек пригнулся, снял фуражку и кивком головы дал понять повернувшей голову в его сторону медсестре, что желает поговорить со стариком. Как раз закончив перевязку, она посмотрела снизу вверх на статного капитана и, слегка смутившись, уступила место. Жанысбек неторопливо пододвинул табуретку.

– Капитан Кусмангалиев, особый отдел, – представился он и продолжил. – Можете рассказать, как все произошло?

– Вначале загорелся один вагон. Только я, было, вышел из своей конуры, как полыхнул еще один, – кряхтя от боли, заговорил старик. – Я стал звать на помощь и попробовал хоть немного сбить огонь, как что-то тяжелое упало мне на голову. Больше ничего не помню.

– А перед этим вы ничего подозрительного не замечали? – спросил Кусмангалиев.

– Крутилась здесь пьянь какая-то. Молодые ребята, а напились до чертиков. Матерились громко здесь за воротами. Уходить не хотели. Все норовили через забор перелезть. Хотел уже милицию вызвать, но они ушли.

– Сколько времени это продолжалось?

– Что?

– Спектакль с матерками.

– Да, минут двадцать, наверное.

– А лиц не запомнили?

– Молодые, кто их знает? Лет по семнадцать-восемнадцать. Да и темно было. Особо не разглядишь. Я им крикнул: сынки, уходите от греха подальше. А они, наоборот, еще громче давай гоготать.

– Гоготать, говорите? – предполагая, что это мог быть отвлекающий маневр, переспросил Кусмангалиев. – Ну, ладно. Поправляйтесь, отец.

Жанысбек встал. Направляясь к выходу, он задумчиво поглядел на скрипучий деревянный пол и остановился. Ему в голову пришла мысль о том, что он и его группа не располагают ни временем, ни ресурсами для разработки и организации продуманной и тщательно подготовленной ловушки. Надежда на свидетельские показания выглядела довольно призрачной. Поводов для бесед с местными жителями было предостаточно. Но, во-первых, все подобные происшествия случались ночью, когда на улице практически никого нет. А во-вторых, люди весьма неохотно шли на контакт. И тому были свои причины.

– Капитан! – позвал его снаружи Сагинадзе. – Остаетесь за старшего. Думаю, учить вас не нужно. Сами знаете, что делать. Вечером жду у себя.

Кусмангалиев посмотрел вслед отъезжавшему сорвавшемуся с места черному «ЗиСу» с мыслью о предстоящем докладе. Докладывать пока было нечего. Но впереди был целый день.

Толпа зевак стала постепенно расходиться. Вскоре на месте происшествия, кроме милиционеров и медработников никого не осталось.

– Товарищ капитан! – звонким голосом к Жанысбеку обратилась медсестра, несколько минут назад перевязывавшая сторожа.

Только теперь Кусмангалиев по-настоящему обратил на нее внимание, отметив грациозность и красоту девушки. Несколько лет назад, еще перед войной он был влюблен в школьную учительницу. И уже подумывал о женитьбе. Но пришла беда. В августе 41-го Жанысбек был уже на фронте. Оттуда успел написать своей возлюбленной несколько писем. Однако ближе к зиме она в числе добровольцев покинула родной город, уехав куда-то под Москву на курсы снайперов с дальнейшей отправкой на передовую. После этого связь оборвалась.

Не давая волю эмоциям, офицер, поправил форму и собрался было ответить. Но сразу это сделать не получилось. От легкого волнения перехватило горло, и он невольно кашлянул.

– Слушаю вас, – придя в себя, сухо ответил капитан, стараясь придать голосу больше строгости.

– Мы забираем дедушку в больницу. Ему необходимо стационарное лечение. Он получил обширный ожог. И еще сотрясение мозга.

– М-м-да. Да, конечно, – ответил Жанысбек, больше в этот момент думая о пожаре, нежели о стороже. – Простите, как вы сказали вас зовут?

– Сауле. А вас?

– Что? Ах, да... Капитан Кусмангалиев! – пытаюсь придать побольше официоза своим словам ответил офицер.

– А имя есть у капитана Кусмангалиева?

– Жанысбек! – также строго и серьезно ответил он.

Сауле, мило улыбнувшись, направилась к машине «скорой помощи».

– А в какую больницу увозите? – спросил вслед Жанысбек.

– В городскую! Она у нас одна! – обернувшись, прокричала она.

Тем временем уже рассвело. Первоначальное расследование результатов не дало. Кроме самой сортировочной станции милиционеры обошли едва ли все дома, находившиеся округе. Но ни один житель не сказал ничего дельного.

Те, кого искали, вряд ли уже могли находиться поблизости. Жанысбек понимал, что, скорее всего, парни, которые появились непосредственно перед взрывом, выполнив свою отвлекающую миссию, тотчас же скрылись. Это, несомненно, заслуживало внимания, однако выдвигать версии было еще рано. Ведь кроме сторожа их не видел никто. Да и тот в темноте не сумел разглядеть их лиц, а потому не мог, хотя бы, приблизительно описать внешность.

За день Жанысбек успел опросить не то пятнадцать, не то двадцать человек. Но никто не сказал ничего полезного. Большинство отвечали на вопросы осторожно, отнекиваясь и говоря, что ничего толком не знают.

«Что за забитый народ?» – думал про себя он, общаясь с горожанами. – «Слова из них не вытянешь».

С другой стороны, он хорошо понимал этих людей. Воры и диверсанты заставили их бояться. За годы войны они наделали в городе столько шума, что каждый, прежде чем что-то сказать, предпочитал несколько раз подумать, а порой и вовсе отмолчаться. Милиционеров катастрофически не хватало. И тех, кто пытался с ними сотрудничать, жестоко избивали и грабили. Нередко даже и убивали, причем целыми семьями.

Со всеми этими бедами местные жители оказывались, как правило, один на один, испытывая страх перед любым незнакомцем. Боясь насилия, ограбления или смерти, люди вполне обоснованно полагали, что язык, запертый за зубами, хоть и не гарантирует, но дает шанс уцелеть. Форма Кусмангалиева не особо внушала им доверие, поскольку в нее при желании мог одеться кто угодно. А спрашивать у каждого документы могло выйти себе дороже.

Жанысбек, постучавшись, вошел в один из домов.

– Здорово, хозяин!

– Здоровее видал, – не поднимая головы, неприветливо ответил старик, игравший в нарды с мальчишкой лет двенадцати за дубовым столом, стоявшим посреди неубранной комнаты.

– Капитан Кусмангалиев. Отдел контрразведки, – представился Жанысбек.

– Чем обязаны? – по-прежнему не устаивая вошедшего взглядом, спросил старик.

– Никто от пожара не пострадал? – спросил Жанысбек

– Бог миловал, – ответил дед, делая очередной ход.

– Это хорошо. Может, видели кого?

– Увидишь тут, как же, – недовольно пробурчал старик. – До ветру лишней раз ночью боишься сходить. Не то, что на улицу выйти. Совсем распоясались басурманы. Управы на них никакой. Был бы помоложе, так я показал бы им, где раки зимуют. А сейчас что я могу? Без костыля и встать-то не с руки. Людям жрать нечего, а эти последнее отбирают. Настоящие мужики-то на фронте фашиста бьют. Вот этим тут и раздолье.

Дед говорил много и не по делу, всякий раз уходя от вопроса, когда речь заходила о тех, кто шумел вчера ночью возле ворот станции. У Жанысбека была каждая минута на счету, но он был вынужден слушать рассказ старика о том, как на днях избили его одноногого соседа, а другому, что живет в конце улицы, едва не спалили хату. И все из-за того, что оба попытались искать правду в милиции.

– Дед, может все-таки, видел кого ночью-то? – не выдержав, спросил Жанысбек. – Ведь громко шумели. Невозможно не услышать.

– Ты пойми, сынок, – посмотрев, наконец, на капитана, ответил старик. – Ты приехал и уехал. А мне здесь жить. И не столько мне, сколько ему вот, – кивнул он в сторону пацана. – Батяка его еще в сорок первом под Москвой погиб. А мамка на заводе с утра до ночи. Вот и сидим мы с ним вдвоем, время коротаем.

– Ну, ладно, дед, раз такое дело. Будь здоров.

– И тебе не хворать.

Жанысбек вышел и огляделся вокруг. Небольшие приземистые домики с надворными постройками тянулись вдоль всей улицы. Заходить в каждый дом не имело смысла. Время к тому моменту перевалило за полдень. Стало ощутимо давать о себе знать чувство голода.

Кусмангалиев двинулся пешком по направлению к центральной улице. Краем глаза он увидел, как кто-то торопится ему вслед. Проходя одно из наиболее глухих мест, Жанысбек осторожно достал из кобуры табельный «ТТ» и, приведя его в боевое положение, поставил на предохранитель.

Человек продолжал бежать. Когда между ними оставалось не более трех шагов, Жанысбек резко обернулся, направив пистолет в лицо преследователя. Это был мужчина лет сорока пяти в очках, хромавший на одну ногу.

– Товарищ офицер, – отдышавшись от бега и вытирая пот со лба, сказал он. – Уберегите, пожалуйста, оружие. Я хочу вам кое-что сказать.

Жанысбек положил «ТТ» обратно в кобуру.

– Слушаю вас.

– Когда полыхнуло, я стоял у своей калитки вон на том конце улицы, – указал рукой человек. – Мимо меня пробежали двое парней. Бежали они со стороны станции и настороженно озирались по сторонам. Я сразу решил, что эти ребята не просто так бегут. После того, как запылало, все, наоборот, побежали туда. А они оттуда. Вот я и подумал, что, может быть, они здесь и замешаны. Одного из них зовут Петром. Насколько я смог разглядеть в зареве пожара, здоровый, рыжий. На вид лет чуть больше двадцати.

– Откуда знаете имя?

– А другой его звал. Я успел услышать.

– Они вас видели?

– Полагаю, что нет. Я спрятался за кустом.

– Спасибо, товарищ. Вы нам очень помогли, – поблагодарил человека Жанысбек. – Возвращайтесь домой. И будьте осторожны.

Кусмангалиев с благодарностью пожал мужчине руку и отправился в свою сторону.

3

В кабинете полковника Сагинадзе царил тишина. Слышен был лишь поднявшийся к вечеру ветер и стук капель дождя о стекло, сквозь который отчетливо пробивалось ровное биение маятника настенных часов. По обеим сторонам массивного стола, не нарушая безмолвия, сидели капитан Кусмангалиев, капитан Кобрисов старший лейтенант Зуев и лейтенант Захаров.

Заложив руки за спину, Сагинадзе долго смотрел в окно и задумчиво молчал, абсолютно не торопясь выслушивать доклады подчиненных. Словно бы не было никакой спешки в их работе по обнаружению и ликвидации диверсионной группы.

Обычно полковник не имел привычки погружаться в собственные мысли перед разговором с подчиненными. Все вопросы он обдумывал заранее и не терпел скоропалительных и безосновательных ответов. Но в этот раз было похоже на то, что он не имел никакого желания начинать разговор.

– Опять дождь. От того и поясница ныла весь день, – сказал наконец прервав свои раздумья, полковник. – Ну, что там у вас?

– Сторож рассказал про каких-то пьяных молодых людей, крутившихся за воротами незадолго до взрыва, – начал доклад Жанысбек. – Якобы ругались матом, хулиганили. Предполагаю, что они просто отвлекали внимание старика, а в это время кто-то готовил поджог. Такой сюрприз может произойти в любом месте.

– Где ж нам взять людей на обеспечение охраны всех таких объектов? – задумчиво спросил Сагинадзе, затем сам же ответил, – Помощи ждать неоткуда. Нужно работать на опережение. Какая-то ниточка должна быть. Ищите, мужики.

– Кое-что мне все-таки удалось узнать, – продолжил Жанысбек. – Одного из предполагаемых взрывателей зовут Петром. На вид лет двадцать – двадцать три. Здоровый, рыжий.

– Откуда информация?

– Один из местных сообщил.

– Разрешите, товарищ полковник? – обратился Кобрисов, – Эксперты подтвердили мое предположение: найденный кусок бутылки содержит на себе частицы горючего вещества. Такие смеси используются при поджогах.

Сагинадзе слушал молча, дымя «Казбеком» и время от времени стряхивая пепел в чугунную пепельницу. После доклада Кобрисова он встал и опять подошел к окну. В кабинете вновь наступила тишина, от чего показалось, что дождь усилился и стал еще громче тарабанить по стеклу.

– Где-то у них здесь яма, – воспользовавшись паузой, вмешался в разговор Зуев. – Может пощупать урок?

– Хорошая мысль, – обернувшись, сказал Сагинадзе. – Вот ты и займись этим. Поговори с мужиками из отдела по борьбе с бандитизмом. У них все урки на учете.

4

Утренний город постепенно заливался солнечным светом. Яркие лучи миллионами отблесков отражались на траве, листьях и крышах домов. В конце тихой улицы, пролежавшей под уже распутившимися кронами деревьев, находилась городская больница, по направлению к которой шагала заведующая кожно-венерологическим отделением городской больницы Хильда Гейсин – высокая и стройная женщина лет сорока пяти. Этническая немка, незадолго до войны переселенная с Поволжья, она в довольно короткий срок успела обрести почет и уважение в этом городе.

Едва Хильда вошла в распахнутые ворота, с ней стали здороваться все находившиеся во дворе и шедшие на встречу люди. Женщина приветливо отвечала каждому.

Пройдя несколько метров, она вошла в здание и, миновав коридор, оказалась в своем небольшом рабочем кабинете. На письменном столе лежали кое-какие бумаги. Рядом три старых деревянных стула и такой же старый шифоньер, напротив которого располагалась кушетка. На стене во главе комнаты портрет товарища Сталина. С другой стены на отца народов глядел выдающийся ученый-медик Николай Пирогов. Хильда поставила на подоконник дамскую сумочку и, надев белый халат, отправилась утреннюю «летучку».

Читавший газету, сидя в своем кресле, главный врач больницы Пашутин Петр Михайлович торопливо отложил ее в сторону и, сняв очки, поприветствовал вошедших заведующих отделениями. Гейсин заняла свое привычное место и, с флегматичным видом откинувшись на спинку деревянного кресла, приготовилась к совещанию.

Через открытые окна доносился аромат распутившейся сирени и слышалось звонкое щебетание птиц. Вокруг царил вполне мирная идиллия, и казалось, нет никакой войны. Но едва главный врач заговорил, все присутствующие вернулись в суровую реальность.

– Ночью был пожар на сортировочной станции, – начал он. – Есть пострадавшие. Травматологическое отделение переполнено, так что ожоговых больных положили к вам, Хильда Германовна.

– Хорошо, Петр Михайлович.

– Вы уж отнеситесь повнимательней. Помимо физических травм у всех пострадавших возможны травмы психологические.

– Не беспокойтесь, Петр Михайлович, сделаем все, что от нас зависит, – ответила Хильда.

– Если вопросов нет, все по рабочим местам.

5

Вдоль шумных рядов многолюдного городского рынка, не спеша, шли два милиционера. Один из них старший лейтенант Зуев, другой – младший лейтенант Сембеков из отдела по борьбе с бандитизмом.

Рынок жил своей жизнью. Продавали здесь всякую всячину: ранние ягоды, овощи, фрукты, табак, скотину, одежду, обувь. На лотках можно было видеть свечи, конфеты, булочки, и даже копченую колбасу. Люди, торговавшие всем этим добром, выглядели сытыми и довольными, чего нельзя было сказать о покупателях.

Рядом с небогатым ассортиментом товаров, ютились торговцы разным старьем. То тут, то там возникали склоки между продавцами, добавляя дополнительные звуковые краски к общему гаму. По рядам лениво прохаживались патрульные, то и дело, разнимая продавцов, чьи разногласия уже переходили в драки. Рядом с конфетами и баранками торговали платками и банками. Чуть дальше керосином и тюками сена.

Люди здесь были самые разные: в платках, картузах, шляпах и фуражках с лакированными козырьками. Одни теснились у телег, запряженных лошадьми, другие ходили по рядам, по большей части лишь прицениваясь. Со всех сторон слышалась казахская и русская речь.

– Теперь куда? – спросил Зуев,

– Видишь того в белой кепке? – спросил Сембеков, указывая на мужчину, спящего между людьми. – Попробуем с ним поговорить.

Милиционеры двинулись по направлению к человеку, стоявшему у забора с папиросой в зубах, одетому в мятый серый пиджак поверх майки. Увидев их, мужчина вынул руки из карманов брюк и, разведя их в стороны ладонями вверх, улыбнулся, сверкнув золотым зубом:

– Здравия желаю, гражданин начальник! Каким ветром в нашу обитель?

– Здорово, Гуза, если ты серьезно.

– А мне теперь не до шуток, начальник. День сегодня не мастевый будет.

– Почему не мастевый?

– Встретить мента с утра – плохая примета. Чем обязан?

– Дело у меня к тебе, Гуза. Про пожар слышал?

– Слышал. Как не слышать?

– Что скажешь?

– Говорить-то особо нечего. Хотя полыхнуло весело.

– А может быть тебя забрать в отделение, чтобы ты стал разговорчивее?

– Зря, начальник, – сплюнув себе под ноги, ответил Гуза. – Я об этом ни сном, ни духом.

Век воли не видать. Не мой профиль. Кошелек «подрезать» – сам бог велел. А это...

Гуза еще раз смачно сплюнул.

– Получается, напрасно мы к тебе пришли?

– Напрасно, начальник, напрасно. Ей богу, понятия не имею, кто это так нашумел.

– Ладно, будь здоров.

– И тебе не хворать.

Милиционеры двинулись дальше, вдоль торговых рядов, местами с трудом протискиваясь между людьми.

– Я ведь тебе сразу сказал, что урки не могли это сделать, – обращаясь к Зуеву, сказал Сембеков. – В другом месте вам надо искать. Наш контингент тут никаким боком.

– Что-то больно быстро ты ему поверил. Может, стоит хорошенько допросить его в отделе?

– Бесплезно. Не их профиль. Это точно не уркаганы. Зачем им лишний шум? Грабануть какой-нибудь склад по-тихому – это другое дело. Вот если бы вскрыли эти вагоны и утащили из них чего, тогда это было бы на них похоже.

– Но может они все-таки хоть что-нибудь знают?

– Если бы знали, то сказали бы. Сейчас война. Сдать врагов их понятиям не противоречит. Диверсанты им не братья.

– Все ясно. Мы можем еще с кем-нибудь поговорить?

– Можно. Вон, видишь того в гимнастерке?

– Фронтвик что ли?

– Да какое там. Рецидивист. Вор-карманник. Прибыл из Киева. Кличка «копыто». Фамилия Копытко! Подойдем. Может, нам повезет.

Оперативники тихо подошли со спины к человеку в военной гимнастерке. Так, что он слегка вздрогнул, когда услышал голос позади себя.

– Слышь, Копыто! – позвал его младший лейтенант Сембеков.

– Ой! Начальник! Каким ветром? – мнимый фронтвик выдавил из себя подобие улыбки.

– Все тем же. Чем обязан?

– Слышал про пожар на сортировке?

– Ну...

– Баранки гну! Что скажешь?

– Не наших рук это дело, начальник.

– Мы это уже слышали...

– Раз уж слышали, чего ко мне – то пришли?

– Слышь, ты, контра. Люди на фронте гибнут, а ты тут изображаешь из себя фронтвика... – не сдержавшись, Зуев свирепо посмотрел на вора, собираясь приподнять его за грудки.

– Оставь его, старшой. Я потом с ним разберусь, когда за руку поймаю, – успокоил Зуева Сембеков. – Скажи, Копыто, кто это мог быть?

– Нечего мне сказать, начальник. Засланные, вроде.

– Диверсанты что ли?

– Может и диверсанты. Ты начальник, ты и думай. На то и власть у тебя с волевой.

– Ладно, гуляй пока.

6

В городской больнице царила рабочая атмосфера. Слева в коридоре у самого входа была прибита вешалка. Далее на расставленных вдоль стены скамейках ожидали своей очереди несколько пациентов, среди которых особо выделялись худой длиннолицый мужчина, мило-видная пухлощекая молодая женщина и военный с полевой сумкой-планшеткой на длинном ремне.

Производя утренний обход больных, Хильда Гейсин заходила в каждую палату и заботливо интересовалась самочувствием пациентов. В маленькой явно нерассчитанной на четверых человек палате она подошла к койке, на которой под одеялом лежал старик с худым морщинистым лицом, перебинтованной головой и грудью.

Здравствуйте, Николай Трофимыч, – поздоровалась Хильда Германовна. – Как вы себя чувствуете?

Старик молча глядел в потолок.

– Николай Трофимыч, я спрашиваю, как ваше самочувствие? – попробовала сказать чуть громче врач. – Вы меня слышите?

– Да слышу-слышу. Не ори в ухо, – недовольно буркнул старик. – Получше маненько.

– Плечо вправили, раны обработали. Так что скоро будете, как новенький. Вот только ожоги немного подлечим. А ну-ка покажите, что там у нас.

Хильда стала аккуратно снимать марлевую повязку и заботливо осматривать раны.

– Ну вот. Сегодня действительно уже лучше. Сейчас мы еще разок обработаем ранки и сделаем перевязочку, да, дедуля?

– Ты доктор, тебе виднее, – вновь недовольно пробурчал больной.

– Сауле! – выпянув из палаты, крикнула Хильда.

– Да, Хильда Германовна, – ответила медсестра, вставая из-за стола в коридоре отделения.

– Трофимыча в процедурную. Обработать раны и перевязать. Похоже, долго он у нас не задержится.

– Хорошо, Хильда Германовна, – ответила Сауле, и, помогая старику подняться с койки, повела его в процедурную.

– Хороший вы человек, доктор, – звучали слова благодарности из уст больных. – Руки у вас заботливые. Дай вам бог здоровья и долгих лет жизни.

– Главное для меня – ваше здоровье, – учтиво отвечала она. – Я должна всех вас поставить на ноги и вернуть на ваши рабочие места, чтобы вы как можно скорее продолжили ковать победу. Ведь нашей армии, как воздух, нужны продовольствие и боеприпасы.

7

Каждое утро, войдя в кабинет, Сагиназе раскрывал настежь все окна и проветривал его от вчерашнего папиросного дыма. Затем садился за стол и собирался мыслями, настраиваясь на работу. Перед приходом офицеров контрразведки полковник уже справился с приступом негодования, возникшим при очередном появлении мысли о неуловимости диверсантов. Всякий раз, думая об этом, он приходил в ярость, которую вымещал с присущим ему кавказским темпераментом на любом из подчиненных, кто в этот момент попадался под руку. Но на сей раз этого не случилось.

Кусмангалиев понимал, что начинать доклад, не располагая существенными уликами, не следовало. Сагинадзе сам был на месте происшествия и все видел своими глазами. Он уже давно ознакомился со всеми справками и держал сведения в своей превосходной памяти. Дежурные фразы могли повлечь за собой нешуточный гнев полковника, поскольку слова о том, что делается все возможное, а результатов пока нет, его устроить никак не могли. Об объективных причинах и обстоятельствах, имеющихся в данный момент, в таких случаях даже заикаться не стоило.

В свою очередь и Сагинадзе понимал, что контрразведка – это очень сложная и специфичная работа, во всех тонкостях которой в состоянии разобраться лишь опытные, квалифицированные профессионалы. И если в обычных уголовных делах он чувствовал себя, как рыба в воде, то здесь все было несколько по-другому.

Тем не менее, Родион Константинович упорно вникал в самые тонкие детали, стараясь разобраться во всем досконально. Он прекрасно осознавал, что ограничиваться постановкой основных задач и целей в этой работе недостаточно. С чувством некоторого стыда и недовольства самим собой Сагинадзе вспоминал, как в свое время не придавал особого значения поступающей оперативной информации о возможном существовании диверсионной группы здесь, так далеко от линии фронта. Такого обычно на самом верху не прощали. Но в его личную пользу сыграло то, что подобная ситуация сложилась практически по всей стране.

Полковник посмотрел пронзительным взглядом на присутствующих. Офицеры невольно опустили глаза. Дело было архисерьезным, а доложить по нему особо было нечего. Сагинадзе не терпел, когда подчиненные не могли четко и ясно обрисовать ситуацию.

– Вы понимаете, что в наших условиях любое промедление подобно смерти? – начал он. – Что любые диверсионные каналы противника должны перекрываться кровью из носу?

– Так точно, – нестройно ответили офицеры.

Сагинадзе сделал несколько шагов, в сторону двери и обернулся.

– Сколько их всего может быть в этом городе?

– О численности всей резидентуры пока судить трудно, – глядя ему прямо в глаза, сказал Кусмангалиев, – Но предполагаю, что ядро группы могут составлять три или четыре человека.

В этот момент Сагинадзе вспомнил слова товарища Сталина о том, что всего несколько шпионов могут изменить исход крупнейшего сражения. И что из всех возможных экономий самая дорогостоящая и опасная для государства – это экономия на борьбе со шпионажем. Едва сдерживая гнев, он отвернулся от стола и подошел к открытому окну. Глядя на улицу, полковник, словно рассуждая вслух, сказал:

– Сколько бьемся, ничего сделать не можем. Вас вот вызвали с фронтов. В чем же секрет их неуязвимости?

Кусмангалиев понимающе посмотрел на начальника.

– У нас под носом уже долгое время действует хитрый и коварный враг, – продолжил Сагинадзе, отвернувшись от окна. – И действует успешно. Я хочу спросить у вас: способны вы его найти или нет? Может быть, вместо вас с фронта нужно было отзывать других офицеров?

Обвинения полковника казались несправедливыми. Ведь группа всего несколько дней, как приступила к работе. Но оправдываться или возражать Жанысбек не собирался, поскольку понимал, что с Сагинадзе Москва ежедневно дерет по три шкуры.

В воцарившейся тишине раздался еле слышный скрип отворяющейся двери. В кабинет тихо вошел Зуев. Полковник не обратил на него никакого внимания. Зуев остался у порога, не зная, что ему делать: стоять дальше или пройти и сесть рядом со всеми.

– Местные органы вам помогают? – продолжил спрашивать Сагинадзе.

– Так точно! – ответил Кусмангалиев, умалчивая о том, что местная милиция могла помочь лишь постольку поскольку. Оперативных возможностей городского уголовного розыска здесь явно не хватало. Но объяснять это было бесполезно. С другой стороны, Жанысбеку не хотелось подводить своих коллег – начальников отделов, усугубляя тем самым без того нелегкое положение.

– Что вам еще нужно? – спросил полковник, продолжая глядеть в открытое окно.

– Мощный пеленгатор, Родион Константинович, – ответил Кусмангалиев.

– Где я тебе его возьму сейчас?

– Товарищ полковник, есть приказ Ставки Главного командования об оказании всяческой помощи органам контрразведки. Нужно подать заявку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.